

УДК 101.1:316; 1(091)

Еще к истолкованию «децизионизма К. Шмитта»

К. Г. Мальцев¹, А. В. Мальцева¹ ✉¹ Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова
ул. Костюкова 46, г. Белгород 308012, Российская Федерация

✉ e-mail: pavic69@mail.ru

Резюме

Актуальность. Неуклонно растущий интерес к теоретическим построениям К. Шмитта в первую очередь вызван ставшей очевидной в последние тридцать лет точностью выстроенных в перспективе радикальных понятий шмиттовской политической онто-теологии прогнозов. Необходима демонстрация парадигматического различия представлений социального (политического) как горизонта осмысленности «метафизических понятий», соединяющих реальное и действительное и доводящих познание социального (политического) до истины. Суверенное решение есть основоположение политической онто-теологии К. Шмитта; выяснение его смысла как радикального метафизического понятия является актуальной исследовательской задачей.

Цель – установить значение и значимость децизионизма К. Шмитта в системе выстроенной им политической онто-теологии.

Задачи: определить структуру шмиттовского децизионизма; истолковать содержание трех случаев политического решения в горизонте их связности и необходимости; продемонстрировать различие в представлении политического порядка в двух западных парадигмах политического; место/отсутствие в них политического решения и необходимые из этого следствия.

Методология. Философское истолкование, то есть помещение суверенного решения в горизонт осмысленности и связности (гегелевской конкретности), предполагает выстраивание перспективы парадигмы «понятия политического»; процесс философского истолкования завершается только в радикальном, по Шмитту, метафизическом понятии, в котором совпадают реальное и действительное; в новейшей европейской философии – в самодостоверности субъекта и его предметного представления (М. Хайдеггер).

Результаты. Господство «либеральной метафизики» и следующее из него представление политического в экономической парадигме выявили значение суверенного решения как конститутива «понятия политического» К. Шмитта. Бесконечная дискуссия как режим «организации истины», верховенство права как исключение суверенного решения, «пустое место» как «отсутствующий центр» либеральной политической онтологии, «голая жизнь» (Дж. Агамбен) как возможность «блаженной жизни» и действительность лагеря как результат биополитического производства жизни, – существенные свойства политического, представленного в экономической парадигме. Смысл «понятия политического» как метафизического понятия выявлен в результате сопоставительного анализа двух названных парадигм западной политической философии: суверен/суверенное решение учреждает политический порядок посредством проведения границы; различает «друга-врага»; решением о чрезвычайном положении ограничивает «область аномии» и восстанавливает необходимую правовую форму политического порядка.

Вывод. Суверен конституирует «внешний мир» и внутренний «правовой порядок»; его «двоющийся двойник»: *homo sacer*/террорист, – исключает возможность правового порядка; разрывает реальность (возможную) «блаженной жизни» и действительность лагеря и перманентной войны.

Ключевые слова: децизионизм; суверенное решение; «понятие политического»; экономическая парадигма политического; «метафизическое понятие»; чрезвычайное положение; законный враг; «пустое место»; террорист.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

More to the Interpretation of "K. Schmitt's Decisionism"

Konstantin G. Maltsev¹, Anna V. Maltseva¹ ✉

¹ Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov
46 Kostyukova str., Belgorod 308012, Russian Federation

✉ e-mail: pavic69@mail.ru

Abstract

Relevance. The steadily growing interest in the theoretical constructions of K. Schmitt, first of all, is caused by the accuracy of the forecasts of Schmitt's political onto-theology of forecasts, which have become obvious in the last thirty years, built in the future. It is necessary to demonstrate the paradigmatic difference in the representations of the social (political) as the horizon of the meaningfulness of "metaphysical concepts" that connect the real and the actual and bring the knowledge of the social (political) to the truth. Sovereign decision is the foundation of K. Schmitt's political onto-theology; elucidation of its meaning as a radical metaphysical concept is an urgent research task.

The purpose is to establish the significance and significance of K. Schmitt's decisionism in the system of political onto-theology built by him.

Objectives: determine the structure of Schmitt's decisionism; to interpret the content of three cases of a political decision in the horizon of their coherence and necessity; demonstrate the difference in the representation of the political order in the two Western paradigms of the political; the place / absence of a political solution in them and the necessary consequences from this.

Methodology. Philosophical interpretation, that is, placing the sovereign decision in the horizon of meaningfulness and coherence (Hegel's concreteness), presupposes building a perspective on the paradigm of the "concept of the political"; the process of philosophical interpretation ends only in a radical, according to Schmitt, metaphysical concept, in which the real and the actual coincide; in modern European philosophy – in the self-confidence of the subject and its objective representation (M. Heidegger).

Results. The dominance of "liberal metaphysics" and the necessary representation of the political in the economic paradigm, which follows from it, revealed the meaning of the sovereign decision as a constitutive of the "concept of the political" by K. Schmitt. Endless discussion as a regime of "organizing truth", the rule of law as the exclusion of a sovereign decision, "empty space" as a "missing center" of liberal political ontology, "naked life" (J. Agamben) as the possibility of a "blissful life" and the reality of the camp as a result of biopolitical production of life – essential properties of the political, represented in the economic paradigm. The meaning of the "concept of the political" as a metaphysical concept is revealed as a result of a comparative analysis of the two named paradigms of Western political philosophy: the sovereign / sovereign decision establishes a political order by drawing a border; distinguishes between "friend-enemy"; the decision on the state of emergency limits the "area of anomie" and restores the necessary legal form of political order.

Conclusion. The sovereign constitutes the "external world" and the internal "legal order"; his "double double": homo sacer / terrorist, excludes the possibility of a legal order; tears apart the reality of the (possible) "blissful life" and the reality of the camp and permanent war.

Keywords: decisionism; sovereign decision; "concept of the political"; economic paradigm of the political; "metaphysical concept"; state of emergency; legal enemy; "empty space"; terrorist.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Maltsev K. G., Maltseva A. V. More to the Interpretation of "K. Schmitt's Decisionism". *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(3): 216–229. (In Russ.)

Введение

За К. Шмиттом – юристом прочно утвердилась репутация «децизиониста»; несмотря на утверждения некоторых авторов о том, что Шмитт «пересмотрел» свои «ранние взгляды», у нас нет никаких сомнений в том, что «децизионистом» он оставался всегда: сам Шмитт, например, сказал об этом достаточно ясно в 1966 г. в интервью, которое он дал в связи с публикацией своей книги «Теория партизана» [1]. Однако «юридический децизионизм» – лишь один аспект, который останется непонятным, если не принимать в расчет труды Шмитта как политического теоретика и философа: именно здесь «децизионизм Шмитта» *становится понятием*. Задачей данной статьи является *истолкование* понятия децизионизма, которое у Шмитта имеет характер «радикального метафизического понятия» [2]. Актуальность поставленной задачи обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, осуществляющееся форматирование «глобального политического порядка» в горизонте *экономической парадигмы политического* [3] придает особую, даже отчасти политическую «остроту» тем выводам К. Шмитта, в которых он еще с конца 20-х годов XX века *определял*, каким будет такой «порядок» (например, бесконечная война *без возможности* заключить мир). Во-вторых, как пронизательный и пристрастный критик «либеральной метафизики» [4], точно определивший ее «суть», причем даже таким образом, что *объяснил* практически все «метаморфозы», которые с ней произошли за последние сто лет, Шмитт – «крайне неудобный» автор, игнорировать которого больше не получается [5] и которого поэтому нужно «нейтрализовать», то есть *перетолковать* и *нивелировать* [6]; этим все более активно занимаются последние тридцать лет. Наконец, *пока еще* окончательно «не отменено» *право* незаинтересованного, то есть *философского*, интереса, и децизио-

низм Шмитта по причинам, которые выясняются нами в статье, заслуживает быть его *предметом*.

Материалы и методы

В работе А. де Бенуа «Карл Шмитт сегодня» [5] разбираются многочисленные современные интерпретации шмиттовских идей; Бенуа приходит к выводу, что они большей частью «ошибочны», «односторонни», «недостаточны» в такой степени, что иногда можно заподозрить «намеренное искажение», хотя чаще всего речь идет просто о «незнании» ни самих работ Шмитта, ни *контекста*, в котором утверждения Шмитта только *имеют значение*. Политическая наука доводит объяснение до «идеально-типических понятий» [7], это – ее предел; «метафизические понятия» – вне ее досягаемости. М. Хайдеггер писал: «Любой науке как таковой, то есть как науке, каковой она является, остаются недоступными ее основные понятия и то, что они в себя вбирают; это связано с тем, что никакая наука с помощью своих собственных научных средств ничего не может сказать о себе» [8, с. 321]; и далее: «Никогда математически нельзя составить представление о том, что такое математика, никогда нельзя на филологическом уровне обсуждать, что такое филология, никогда нельзя с биологической точки зрения определить, что такое биология» [8, с. 321]; политическая наука, продолжим мы, бессильна в определении *понятия* политического. *Философское истолкование* предполагает в *первую очередь* *выстраивание горизонта*, обеспечивающего *связность*, в которой шмиттовские утверждения *имеют смысл*. Горизонт осмысленности для «шмиттовского децизионизма» определен *понятиями*: суверенное решение, чрезвычайное положение (область аномии), «понятие политического»; сам Шмитт утверждает, что *истолкование* имеет целью достижение «радикального метафизического понятия» [2] (которое еще и *мифично*), в ко-

тором осуществляется *совпадение реального* (то есть *понятийного*) и *действительного*, для нового времени заданным И. Кантом способом, – таким образом, мы должны довести истолкование децизионизма Шмитта до *представления* его как *радикального*, то есть *метафизического* понятия, – это понятие «*суверенное решение*», область которого – *онто-теология*.

Результаты и их обсуждение

Юридический децизионизм (подробнее о нем мы писали в статье [9]) имеет длительную историю как в правовой практике, так и в европейской философско-юридической мысли; одно из удачных (кратких и точных) обобщений его сути принадлежит И. Канту, который в самом начале «*Метафизических начал учения о праве*» писал, что применение *общей нормы к конкретному случаю* необходимо должно быть *опосредовано решением*. Однако в конце XIX века ранее почти не вызывавшее споров утверждение о необходимости решения для правоприменения, то есть для *совпадения реальности* правовой нормы и *действительности* ее в правоприменении, становится *неприемлемым* – в перспективе пришедшей к господству «точки зрения». *Радикализация* кантовского тезиса в работе К. Шмитта «*Закон и приговор*», изданной в 1912 году [10], и последовавшая затем полемика с *неокантианцем* Кельзеном [11] объяснимы (не по содержанию, но по *направленности*) в связи с указанным обстоятельством. Речь идет о «*либеральной метафизике*» (Шмитт настаивает, что это – именно метафизика), распространяющей свое господство: в данном случае – об изменении оснований *представления* права.

Суть либеральной метафизики Шмитт видит в бесконечной публичной дискуссии, целью которой никогда не является *достижение истины*, но только *организация истины* [12], то есть вместо *суверенного решения* устанавливается

компромисс, само же *место* решения – *исключается*. В экономической парадигме политическое исключение проводится посредством *трансцендирования* («*деистический бог*»): «*пересекающийся консенсус*» [13] устанавливается на всегда уже *наличном* решении об *учреждении* политического порядка, которое не может быть пересмотрено (как *базовые ценности*, содержание и состав которых могут меняться: *способ* – предмет специального исследования) и защищено «*властью институтов*» [13; 14; 15; 16], гарантирующих *очевидность* («*аксиоматику*») либерального порядка.

Таким образом, по Кельзену, как его интерпретирует Шмитт, праву приписывается способность «*самоосуществления*»; решение становится не просто «*не нужным*», но и «*антиправовым*»: либеральный принцип верховенства права *означает* абсолютное исключение *суверенного решения*. Для Шмитта *суверенное решение* также не есть правовое решение: *суверен* – вне и над правом; но, во-первых, его целью является *восстановление правового порядка* в случаях, когда он нарушен (чрезвычайное положение и *суверенная диктатура* имеют *задачей* восстановление правового порядка); во-вторых, правовой порядок есть необходимая форма *политического*, а политика, по Шмитту, есть область, в которой необходимо случаются «*разрывы*» («*понятие политического*» в горизонте *суверенного решения* «*друг – враг*»), которые не *снимаются* в «*обычной правовой процедуре*»; в-третьих, «*самоосуществление права*» Шмитт также считает «*вредной иллюзией*»: *реальное и действительное* для *совпадения* нуждаются в *опосредовании*.

Итак, юридический децизионизм есть *аспект*, значение которого определимо в контексте понимания права как «*собственной формы*» политического порядка.

Целью «*понятия политического*» является *представить* политическое как

нередуцируемую, *самостоятельную* область того, что в немецкой философской классике называлось «миром», такой же, какой является моральное («добро-зло»), эстетическое («прекрасное-безобразное», хотя насчет этой противоположности много споров), истинное (в новоевропейской метафизике представленное как *достоверное*, установление противоположности которому также вызывает многочисленные споры [17]). Шмитт определяет самостоятельность политического через суверенное решение, различающее «друга» и «врага» [18]; многочисленные толкования этого «экзистенциального различения» посредством *моральных оценок* не имеют никакого отношения к делу: суть именно в том, чтобы представить врага как *законного врага*, то есть без его *моральной дисквалификации в преступника*. Врагом является тот, чье *наличие* разрушает политический порядок; политическое отношение к нему – *война* (в значении греческого «полюмос», которая возможна, по замечанию Хайдеггера [17], только между «разными») до тех пор, пока угроза уничтожения политического порядка является *непосредственной*.

Принципиальное значение имеет *различение* «внешнего» и «внутреннего» врага; именно «внутренний враг» является фигурой (вместе с противоположным ему сувереном), относительно которой выстраивается как метафизическое понятие политического, так и радикальное понятие суверенного решения; нарушим последовательность изложения и отметим, что только внешний враг может быть законным врагом и целью *политики* является *исключить* внутренних врагов (изоляция, депортация, в крайнем случае – уничтожение): «сделать» их «внешними», исключить их из *данного* политического порядка; «внутренний враг» *необходимо* квалифицируется как преступник или в *современности* – как *террорист*.

Законным врагом является внешний враг, чье право на существование *призна-*

ется; война имеет целью установление такого равновесия, при котором снимается непосредственная угроза существованию одного политического порядка другим; то есть целью войны является *заключение мира* между взаимнопризнанными, то есть *суверенными*, политическими порядками: война и мир есть *политический* способ взаимоотношения между *суверенами*, регулируемые «правом войны» и «военным правом». Порядок суверенных государств, по Шмитту [19], в силу причин, совокупность которых сейчас называется «глобализацией» (а Хайдеггером определялась как *планетаризм* [20]) и в перечисление которых современные авторы, по сравнению со Шмиттом и Хайдеггером, не внесли ничего *существенного* нового, с начала XX века сменяется порядком «больших политических пространств – империй»; мир между ними возможен только в случае взаимного признания суверенитета и невмешательства во «внутренние дела друг друга»; война *возможна* вследствие изменения соотношения сил; целью войны является мир как фиксация нового равновесия.

Либеральная метафизика внесла *существенные* изменения в *представление политического*; именно в *полемике* с этим представлением выясняется *смысл* суверенного решения как сути шмиттовского понятия политического.

Содержание понятия об экономической парадигме политического, введенное Дж. Агамбенем [3], и ее историю мы прослеживаем в другой работе [21]; здесь приведем лишь релевантные в отношении предмета и задач данной статьи утверждения и *следствия* из них. Политическое пространство представляется в ней *универсальным* и *гомогенным*; «внешние границы» такого пространства есть *фронт*, внутренние – *структурные*, не нарушающие *существенного единства* (возможность «абсолютно Другого» *не признается*, его *наличие* интерпретируется как «временная незавершенность», которая *должна быть снята*).

Политика *редуцируется* к управлению: еще М. Вебер [22] утверждал, что установление современности *может означать* в том числе, что управление государством больше принципиально не отличается от управления предприятием. Это возможно только в том случае, если любые различия представлены как *несущественные* и принципиально *сводимые к интересам* (количественно просчитываемым в терминах «выгод» и «издержек»), в пределе – интересам автономного субъекта-гражданина (*индивидуализм* есть *принцип* либеральной метафизики; окончательное *разрешение* индивида в *интересах* происходит в *человеческом капитале* [23], который приобретает завершенность, «собственную форму», в процессе *цифровизации* как осуществлении мечты новоевропейского субъекта «окончательно встроиться в машину» [24, с. 416; 25]). Либеральная версия интерпретации политической философии И. Канта утверждает, что кантовский разумный субъект есть *основание* для подобного *представления*: субъекты *тождественны* как разумные (различие – количественное, в «степени») и различаются *случайно* (разумеется, социально-исторические различия «случайны» лишь в отношении *разумности*); недостаточно разумные должны воспитываться, направляться или, если невозможно, устраняться; поскольку «неразумие» (за исключением патологий, а еще, в разное время, «детей», «женщин», «туземцев-дикарей»...) есть *личная вина*, то оно *морально вменяется*; «самоопределение к абсолютному злу» и есть определение «абсолютно другого» и как *зло* подлежит *уничтожению*, т. е. *исключению из политического порядка* (разумеется, «максимально гуманным способом»): как *преступник*, или *террорист*.

В универсальном и гомогенном политическом пространстве *немыслимы* многие «суверенитеты» и, соответственно, *суверенные границы*: здесь не может быть *внешнего*, а суверенное государ-

ство-нация становится анахронизмом [26]. Война есть, таким образом, *полицейская операция*, которая ведется не против «признанных врагов», но «самоопределившихся к злу» *преступников* (все теории «новой войны» утверждают именно это [27; 28; 29]; мир с террористами – невозможен; в действительности *война становится перманентной и тотальной* (вывод, сделанный, например, М. Хардтом и А. Негри [30]). Так, для глобального политического пространства *есть* только «внутренний враг» – *террорист*.

Подлинно «метафизической» проблема становится в перспективе «отсутствия центра» (С. Жижек, например: «отсутствующий центр политической онтологии» [31]) у политического порядка, представленного в экономической парадигме политического: *исключение* «места суверена» и вместо него – «*пустое место*», – горизонт, в котором выясняется *метафизический смысл* суверенного решения К. Шмитта.

Шмитт дает определение «врага» со ссылкой на Г. Ф. В. Гегеля: «Гегель разработал также дефиницию врага, чего, по большей части, избегали философы Нового времени: враг есть нравственное (но не в моральном смысле, а с точки зрения “абсолютной жизни”, “вечного в народе”) различие как подлежащее отрицанию чужое в его живой тотальности. Такое различие есть враг; и различие, положенное в соотношении, существует одновременно в качестве его противоположности бытию противоположностей, в качестве “ничто” врага, и это “ничто” для обеих сторон в равной степени есть риск борьбы» [18, с. 340]. Решение о враге есть *суверенное решение*; Шмитт писал: «Действие нормального государства состоит, прежде всего, в том, чтобы осуществить полное умиротворение внутри государства и на его территории, установить “спокойствие, безопасность и порядок” и тем самым создать нормальную ситуацию как предпосылку того, что правовые нормы вообще могут быть значимы, ибо

всякая норма предполагает нормальную ситуацию, и никакая норма не может быть значима в ситуации, совершенно ненормальной по отношению к ней. В критических ситуациях эта необходимость внутригосударственного умиротворения ведет к тому, что государство как политическое единство совершенно самостоятельно, пока оно существует, определяет и “внутреннего врага”» [18, с. 321-322]. Поэтому «во всех государствах в какой-то форме есть то, что государственное право греческих республик знало как объявление *πολεμίου*’ом, римское государственное право как объявление *hostis*’ом, более резкое или более смягченное, наступающее *ipso facto* или действующее на основании особых законов в форме юстиции, явные или скрытые в общих описаниях виды опалы, изгнания, проскрипции, объявления вне закона, *hors-la-loi*, одним словом, внутригосударственного объявления врагом. Это в зависимости от поведения того, кто объявлен врагом, является знаком гражданской войны, т. е. разрушения государства как некоторого в себе умиротворенного, территориально в себе замкнутого и непроницаемого для чужих, организованного политического единства. Затем дальнейшая судьба этого единства решается через гражданскую войну [18, с. 322]. Это относится к любому государству, но, пожалуй, для конституционного гражданского правового государства это «даже считается здесь еще более несомненным, несмотря на все ограничения, налагаемые конституционным законом на государство. Ибо в «конституционном государстве», как говорит Лоренц фон Штейн, конституция является «выражением общественного порядка, выражением существования самого государственно-гражданского общества. Так как атака идет именно на него, то и борьба должна решиться вне конституции и вне права, то есть силой оружия» [18, с. 321-322].

Но если нет суверена, то возникает странная ситуация. Такое решение, пола-

гает Шмитт, по своей природе не может принять современное, то есть либеральное государство: «В мире, полностью морализованном и этицированном еще остались, быть может, только дискутирующие оппоненты» [18, с. 303]; «либерализм не подверг радикальному отрицанию государство, но, с другой стороны, и не обнаружил никакой позитивной теории государства и никакой собственной государственной реформы, но только попытался связать политическое, исходя из этического, и подчинить его экономическому; он создал учение о разделении и уравнивании «властей», т. е. систему помех государству и контроля государства, которую нельзя охарактеризовать как теорию государства или как политический конструктивный принцип» [18, с. 338], то есть либеральное государство, в той степени, в какой оно последовательно (а оно никогда не бывает последовательно относительно самого себя), бессильно против «внутренних врагов».

И тем не менее террористы и «полицейская операция» против них («новая война», «антитеррористическая война») есть *действительность*.

Политическая современность, если верить Х. Арндт [32], началась с учреждения принципиально нового политического порядка «вне абсолюта» – с американской революции (современность есть революция); новое государство *исключило суверена* радикально, то есть «упразднило его место». В этой связи еще в конце 60-х – начале 70-х годов XX века Арндт призывала к последовательности: следует отказаться также и от идеи «народного суверенитета». Тем более, что, по ее мнению, это представление стало едва ли не главным препятствием для развития свободы (речь идет опять же о реальности понятия и действительности): революция «останавливается» и даже «обращается вспять», когда от имени народа «социальные требования» входят в противоречие с требованиями «политической свободы». Сам «народ» в

действительности всегда «разорван» (Х. Арндт [32], Дж. Агамбен [33]): единство между «чернью» и «политическим народом» достигается только *символически*, в политической репрезентации, и нуждается в постоянном *возобновлении*. В какой-то момент это становится невозможным: масса (в которую превращается народ, по Бодрийяру), как и «множество» (М. Хардт и А. Негри [30]) – принципиально *не репрезентируемы* и не нуждаются в репрезентации: современное демократическое *представительное* государство лишается своей «онтической/онтологической» основы и *легитимности*: правовая форма политического порядка утрачивает *необходимость*. Ф. Р. Анкерсмит [16], озабоченный «спасением демократии», обосновывает необходимость перехода от миметической (концептуализация принадлежит К. Шмитту) к эстетической политической репрезентации, в которой «пустое место», заменившее суверена, должно быть организовано по «японской модели»: «японский император – ребенок». Однако это лишь одна возможность; для понимания смысла децизионизма Шмитта важнее другая, представленная Дж. Агамбеном [3; 34] (тем более, что сам Агамбен выстраивает ее в полемике со Шмиттом).

«Пустое место» есть «область аномии», и как таковое оно «амбивалентно». С одной стороны, это может быть «голая жизнь» как блаженство (со ссылкой на Аристотеля), с другой – концентрационный лагерь как *биополитическая реальность*, в которой *мы живем*. Суверен «невозможен» (со времени барокко, по утверждению В. Беньямина [35], на которого в этой связи ссылается Агамбен) и исключен (в экономической парадигме политического) в представлении «либеральной метафизики», то есть восстановить правовую форму политического порядка – некому. «Чистое» (революционное, по С. Жижеку [36], тоже со ссылкой на Беньямина) насилие и политика как «игра» («средства без цели») *могут рас-*

крыть возможность блаженной, неполитической жизни для homo sacer, который, таким образом, «двойник суверена», его «антипод».

Однако в перспективе *продолжающего существовать* политического порядка homo sacer есть абсолютно чужой, то есть *исключенный*, *местом* которого как раз и является *концентрационный лагерь* – расширяющаяся на весь политический порядок «область аномии»: он *представляется* террористом. Но он – «двойник суверена». Ж. Бодрийяр пишет, что современная система как «порядок симулякров» соответствует только себе самой, она упраздняет «экономический принцип реальности» [37, с. 44], гиперреальность; игра тотальной обмениваемости значений; своеобразная «эстетизация», целесобразность без цели; воспроизводство вместо производства; тотальная интегрированность всех возможных символов, значений, любого «протеста» и «революции» – перечислять названные Бодрийяром черты и устанавливать их в каком-либо определенном порядке дальше для нас нет особой нужды, тем более, что порядок этот (соотнесенность, причинность отменены) будет произвольным. Важен следующий отсюда вывод: «Поэтому здесь возможна лишь катастрофическая, а вовсе не диалектическая стратегия. Приходится доводить все до предела, и тогда-то оно само собой обращается в свою противоположность и рушится. Поскольку именно в высшей точке ценности мы ближе всего к амбивалентности, поскольку именно в высшей точке связности мы ближе всего к глубочайшему срыву, вечно грозящему дублируемым знакам кода, – именно поэтому необходимо превзойти систему в симуляции. Следует обратить смерть против смерти – этакая радикальная тавтология. Сделать из собственной логики системы неотразимое оружие против нее. Против тавтологической системы единственно действенной будет стратегия своего рода патафизики, «науки о воображаемых решениях», т. е.

научной фантастики на тему обращения системы против нее самой в высшей точке симуляции, стратегия обратимой симуляции в рамках гиперлогики разрушения и смерти» [37, с. 48]. Симпатии Бодрийера, кажется, на стороне противников системы; «система должна быть разгромлена» [37, с. 161], стратегия, учитывающая «положение вещей», «революционная интуиция – догадка о том, что глубинная идеология функционирует теперь не на уровне политических означаемых, а на уровне означающих, и что с этой стороны система наиболее уязвима» [37, с. 161], полагается им единственной, имеющей шанс: «Неудача выступлений 1970 года привела к спаду традиционной политической активности, зато к радикализации бунта на подлинно стратегическом направлении, в области тотального манипулирования кодами и значениями» [37, с. 161]. Стратегия «истребления ценности», «для нас образец лежит в первобытных формациях, а в своей радикально-утопической форме оно сегодня все более взрывоопасно развивается на всех уровнях нашего общества, в головокружении бунта, не имеющего более ничего общего ни с революцией, ни с историческим законом, ни даже – это, правда, станет ясно еще не так скоро, так как данный фантазм возник недавно, – с «освобождением» какого-либо «желания» [37, с. 44].

Итак, единственной стратегией борьбы может стать только «символическая стратегия»; она и есть то, что получило название «терроризм»: реально посягают на господство «лишь такие поступки, которые происходят в поле радикальной недетерминированности» [37, с. 97], поэтому необходимо «перенести все в сферу символического, где действует закон вызова, обращения, увеличения ставок. Такого, что и на смерть можно ответить только другой, равной или большей, смертью. Здесь нет реального насилия или же реальных сил, есть только вызов и символическая логика» [37, с. 98]. Все

это меняет «перспективы революционного упразднения власти», «раз власть – отсроченная смерть, то ее не устранить, пока не будет устранена эта отсрочка смерти. И поскольку власть (этим она всегда и везде определяется) состоит в факте дарения без возврата, то понятно, что власть господина, односторонне жалующего рабу жизнь, будет упразднена лишь в том случае, если эту жизнь можно будет ему отдать, – при смерти неотложной» [37, с. 104]; «радикальный отпор власти и единственная возможность ее упразднения – только в том, чтобы отдавать свою жизнь, отвечая на отсроченную смерть смертью немедленной» [37, с. 104], то есть требуется жертвоприношение, «единственным выходом оказывается обратить против системы сам же принцип ее власти: невозможность ответа и возражения. Бросить системе такой вызов, на который она не сможет ответить ничем кроме своей гибели и крушения» [37, с. 99]; «пускай система сама убьет себя, отвечая на многократный вызов смерти и самоубийства» [37, с. 99] (подробнее см.: [38]).

В парадигме «понятия политического» для *террориста* нет места; есть место для *партизана*, но это требует специального разбора, равно как и то, почему в современных интерпретациях идей и работ Шмитта отчетливо обнаруживается стремление *максимально сблизить* и, наконец, *отождествить* террориста и партизана; дополнительным поводом к размышлению может стать почти откровенная ирония, с которой Шмитт рассуждает о «современных партизанах» (или террористах?) в том же интервью, ссылкой на которое мы начали наше изложение [1]: ирония относится не столько к ним самим (Шмитт не скрывает своих опасений относительно их намерений и возможностей), сколько к неспособности либеральной политологии и политической философии *понять*, кто они такие, откуда взялись и что наконец с «этим» делать. «Вместо» «упраздненного места

суверена» в либеральном представлении политического в экономической парадигме раскрылась возможность для появления террориста; она стала *необходимостью* вследствие исключения суверенного решения: мы описали это в статье.

Шмитт определяет, что сувереном является тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении [2]; такое решение в современном политическом порядке, представленном в экономической парадигме политического, принимает *террорист*: он и есть суверен, абсолютно чужой, которого надлежит *уничтожить*.

Выводы

Итак, две *парадигмы политического*, по отношению к которым *не имеет смысла* вопрос, какая истинная: в парадигме реальное и действительное совпадают [39], она *представляет* действительность и устанавливает *условия истинности* всех своих радикальных («метафизических») понятий (научная «объективность» обусловлена представлением: она сама, как указывал Хайдеггер [17], есть *следствие* определенного, положенного Декартом как начало новоевропейской метафизики, представления). В парадигме «понятия политического» *суверенное решение* есть *божественное* решение об учреждении политического порядка в правовой форме: такова его *необходимость*. В «экономической парадигме политического» *суверенное решение разрушает политический порядок*, и должно быть *абсолютно исключено*; в

парадигме «понятия политического»: суверен/суверенное решение – чрезвычайное положение – учреждение/восстановление правовой формы политического порядка; в экономической парадигме политического: «пустое место» – концентрационный лагерь (глобальная империя)/блаженная «голая жизнь» – «чистое революционное насилие»/террорист.

М. Хайдеггер [17], когда писал о начале новоевропейской метафизики («последний период западной метафизики», завершившийся Гегелем и Ницше), фактически уклонился от объяснения *причин*, по которым это произошло; но одну он все-таки назвал: «утрата доверия к Богу» и, как следствие, усилия субъекта «доказать самого себя» и «из себя» произвести очевидность (как достоверность) предмета («внешнего мира»). К. Шмитт был *католиком*: на это несколько раз указывает Дж. Агамбен как на обстоятельство, *имеющее значение* для понимания его идей; выскажем в качестве *обоснованного предположения*, что *решающее различие* между «понятием политического» и экономической парадигмой политического «либеральной метафизики» следует искать в области онто-теологии: у Шмитта в «понятии политического» это *горизонт* «живого и личного» бога, – экономическая парадигма политического выстраивается в горизонте «смерти бога», замененного (до времени) *принципом*, обоснованным Кантом [40]: «требованием бога» разумом «самоопределяющегося автономного» субъекта.

Список литературы

1. Шмитт К. Беседа о партизанах. Карл Шмитт и Иоахим Шикель. 1969 год // Теория партизана. М.: Праксис, 2007. С. 145-178.
2. Шмитт К. Политическая теология // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5-59.
3. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 552 с.
4. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93-170.
5. Бенуа А. де. Карл Шмитт сегодня. М.: Торговый дом ИОИ, 2007. 72 с.

6. Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и «понятие политического». О диалоге отсутствующих. М.: Скимень, 2012. 192 с.
7. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602-643.
8. Хайдеггер М. Ницше: в 2 т. СПб.: Владимир Даль, 2006. Т. 1. 608 с.
9. Мальцев К. Г., Зайцева Е. А. К вопросу о статусе и интерпретации решения в онтологиях «социального порядка» (трансцендентализм М. Вебера и децизионизм К. Шмитта). Часть 2: Децизионизм К. Шмитта // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 4 (44). С. 103-114.
10. Schmitt C. Gesetz und Urteil. Eine Untersuchung zum Problem der Rechtspraxis. München: Beck, 1969. 129 p.
11. Шмитт К. Государство: Право и политика. М.: Территория будущего, 2013. 448 с.
12. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология. Взлет и падение метафоры. М.: Канон +, 2009. 400 с.
13. Rawls J. Political Liberalism. New York: Columbia university press, 1996. 525 p.
14. Эльстер Ю. Кислый виноград: Исследование провалов рациональности. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 296 с.
15. Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2012. 288 с.
16. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.
17. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб.: НОУ – «Высшая религиозно-философская школа», 1998. 302 с.
18. Шмитт К. Понятие политического // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 280-408.
19. Шмитт К. Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил // Номос Земли в праве народов Jus publicum Europaeum. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 479-572.
20. Хайдеггер М. Размышления XII-XV (Черные тетради 1939-1941). М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 344 с.
21. Понятие политического и мировой беспорядок: перспективы согласия, войны и глобального имперского порядка: монография / К. Г. Мальцев, А. Л. Алавердян, Л. Л. Ломако, А. В. Мальцева. Белгород: Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова, 2020. Кн. 1. 727 с.
22. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. Т. 4. 542 с.
23. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. «Человеческий капитал» как концепт биополитики: опыт философского истолкования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 5. С. 242-252.
24. Хайдеггер М. Размышления VII-XI (Черные тетради 1938-1939). М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 528 с.
25. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Цифровизация и «цифровой фетишизм»: предвидения в бытийно-историческом мышлении М. Хайдеггера // Человек. Культура. Образование. 2020. № 4 (38). С. 46-58.
26. Мальцев К. Г., Ломако Л. Л. Кризис государства-нации как проблема социально-политической философии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2020. № 1. С. 55-64.
27. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 412 с.
28. Кревельд М. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.
29. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Несколько замечаний по поводу «новизны» дискурса «новой войны»: «инновации» и традиция // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 4. С. 70-80.
30. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.

31. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Дело РАНХиГС, 2014. 528 с.
32. Арндт Ханна. О революции. М.: Европа, 2011. 464 с.
33. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.
34. Агамбен Джорджо. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 148 с.
35. Benjamin Walter. Zur Kritik der Gewalt // Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main, 1972-1989. Vol. 2.1.
36. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. 184 с.
37. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2006. 389 с.
38. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Дискурс «антитеррористической войны» и справедливая, то есть тотальная война // PolitBook. 2020. № 3. С. 80-97.
39. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 456 с.
40. Кант И. Религия в пределах только разума // Сочинения: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. VI. С. 5-223.

References

1. Shmitt K. Beseda o partizane. Karl Shmitt i Ioakhim Shikel'. 1969 god in K. Shmitt [Conversation about the partisan. Karl Schmitt and Joachim Schickel. 1969]. Teoriya partizana [The Theory of the Partisan]. Moscow, Praksis Publ., 2007, pp. 145-178.
2. Shmitt K. Politicheskaya teologiya [Political theology]. Ponyatie politicheskogo [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 5-59.
3. Agamben Dzh. Tsarstvo i slava. K teologicheskoi genealogii ekonomiki i upravleniya [The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2018. 552 p.
4. Shmitt K. Dukhovno-istoricheskoe sostoyanie sovremennogo parlamentarizma [Spiritual and historical state of modern parliamentarism]. Ponyatie politicheskogo [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 93-170.
5. Benua A. de. Karl Shmitt segodnya [Carl Schmitt today]. Moscow, Torgovyi dom IOI Publ., 2007. 72 p.
6. Maier Kh. Karl Shmitt, Leo Shtraus i "Ponyatie politicheskogo". O dialoge otsutstvuyushchikh [Leo Strauss and The Concept of the Political. About the dialogue of the absent]. Moscow, Skimen Publ., 2012. 192 p.
7. Veber M. Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya [Basic sociological concepts]. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 602-643.
8. Khaidegger M. Nitsشه [Nietzsche]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2006. 608 p.
9. Mal'tsev K. G., Zaitseva E. A. K voprosu o statuse i interpretatsii resheniya v ontologiyakh "sotsial'nogo poryadka" (transsendentalizm M. Vebera i detsizionizm K. Shmitta). Chast' 2: Detsizionizm K. Shmitta [On the issue of the status and interpretation of the decision in the ontologies of "social order" (M. Weber's transcendentalism and K. Schmitt's decisionism). Part 2: Decisionism of K. Schmitt]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Bulletin of Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences, 2016, no. 4 (44), pp. 103-114.
11. Shmitt K. Gosudarstvo: Pravo i politika [State: Law and Politics]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2013. 448 p.
12. Ankersmit F. R. Istoriya i tropologiya. Vzlet i padenie metafory [History and tropology. The rise and fall of a metaphor]. Moscow, Kanon + Publ., 2009. 400 p.
13. Rowls J. Political Liberalism. New York, Columbia university press, 1996. 525 p.
14. El'ster Yu. Kislyi vinograd: Issledovanie provalov ratsional'nosti [Sour Grapes: A Study of Rationality Failures]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ., 2018. 296 p.
15. Ankersmit F. R. Politicheskaya reprezentatsiya [Political representation]. Moscow, Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta – Vyshei shkoly ekonomiki, 2012. 288 p.

16. Ankersmit F. R. *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti* [Aesthetic policy. Political philosophy beyond fact and value]. Moscow, Izdatel'skii dom GU VShE, 2014. 432 p.
17. Khaidegger M. *Vvedenie v metafiziku* [Introduction to metaphysics]. St. Petersburg, NOU – "Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola" Publ., 1998. 302 p.
18. Shmitt K. *Ponyatie politicheskogo in K. Shmitt* [The concept of the political] *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 280-408.
19. Shmitt K. *Poryadok bol'shikh prostranstv v prave narodov, s zapretom na interventsuyu dlya chuzhdykh prostranstvu sil in K. Shmitt* [The order of large spaces in the law of peoples, with a ban on intervention for forces alien to space]. *Nomos Zemli v prave narodov Jus publicum Europaeum* [Nomos of the Earth in the law of peoples Jus publicum Europaeum]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2008, pp. 479-572.
20. Khaidegger M. *Razmyshleniiã XII-XV (Chernye tetrady 1939-1941)* [Ponderings XII-XV (Black Notebooks 1939-1941)]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaïdara, 2020. 344 p.
21. Mal'tsev K. G., Alaverdyan A. L., Lomako L. L., Mal'tseva A. V. *Ponyatie politicheskogo i mirovoi besporyadok. Perspektivy soglasiya, voyny i global'nogo imperskogo poryadka* [The concept of political and world disorder. Perspectives of harmony, war and global imperial order]. Belgorod, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, 2020. 727 p.
22. Veber M. *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii* [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology]. Moscow, Izdatel'skij dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2016, vol. IV. 542 p.
23. Mal'tsev K. G., Mal'tseva A. V. "Chelovecheskii kapital" kak kontsept biopolitiki: opyt filosofskogo istolkovaniya ["Human capital" as a concept of biopolitics: the experience of philosophical interpretation]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, vol. 10, no. 5, pp. 242-252.
24. Khaidegger M. *Razmyshleniiã VII-XI (Chernye tetrady 1938-1939)* [Ponderings VII-XI (Black Notebooks 1938-1939)]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaïdara, 2018. 528 p.
25. Mal'tsev K. G., Mal'tseva A. V. *Tsifrovizatsiya i "tsifrovoi fetishizm". Predvideniya v bytiino-istoricheskom myshlenii M. Khaideggera* [Digitization and "digital fetishism". Foresight in the existential-historical thinking of M. Heidegger]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Man. Culture. Education*, 2020, no. 4 (38), pp. 46-58.
26. Mal'tsev K. G., Lomako L. L. *Krizis gosudarstva-natsii kak problema sotsial'no-politicheskoi filosofii* [The crisis of the nation-state as a problem of socio-political philosophy]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Bulletin of the Leningrad State University. A. S. Pushkin*, 2020, no. 1, pp. 55-64.
27. Kaldor M. *Novye i starye voyny. Organizovannoe nasilie v global'nyu epokhu* [New and old wars. Organized violence in the global era]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2016. 412 p.
28. Kreveld M. *Transformatsiya voyny* [War transformation]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 2005. 344 p.
29. Lomako L. L., Mal'tsev K. G. *Neskol'ko zamechaniy po povodu "novizny" diskursa "novoi voyny": "innovatsii" i traditsiya* [A few remarks about the "novelty" of the discourse of the "new war": "innovation" and tradition]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii = Intellect. Innovation. Investments*, 2020, no. 4, pp. 70-80.
30. Khard't M., Negri A. *Mnozhestvo: voyna i demokratiya v epokhu imperii* [The multitude: war and democracy in the era of empire]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2006. 559 p.
31. Zhizhek S. *Shehekotlivyi sub"ekt: otsutstvuyushchii tsentr politicheskoi ontologii* [A delicate subject: the absent center of political ontology]. Moscow, Izdatel'skii dom Delo RANKhiGS, 2014. 528 p.
32. Arendt Kh. *O revolyutsii* [About the revolution]. Moscow, Evropa Publ., 2011. 464 p.
33. Agamben Dzh. *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo Sacer Sovereign Power and Bare Life]. Moscow, Evropa Publ., 2011. 256 p.
34. Agamben Dzh. *Homo sacer. Chrezvychainoe polozhenie* [Homo sacer. State of emergency]. Moscow, Evropa Publ., 2011. 148 p.

35. Benjamin Walter. Zur Kritik der Gewalt. Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main, 1972-1989, vol. 2.1.
36. Zhizhek S. O nasilii [The violence]. Moscow, Evropa Publ., 2010. 184 p.
37. Bodriyar Zh. Simvolicheskii obmen i smert' [Symbolic exchange and death]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2006. 389 p.
38. Lomako L. L., Mal'tsev K. G. Diskurs "antiterroristicheskoi voiny" i spravedlivaya, to est' total'naya, voyna [Discourse of "anti-terrorist war" and just, that is, total, war]. *PolitBook*, 2020, no. 3, pp. 80-97.
39. Khaidegger M. Osnovnye problemy fenomenologii [Basic problems of phenomenology]. St. Petersburg, Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola Publ., 2001. 456 p.
40. Kant I. Religiya v predelakh tol'ko razuma [Religion within only the mind]. Sochineniya [Works]. Moscow, Choro Publ., 1994, vol. VI, pp. 5-223.

Информация об авторах / Information about the Authors

Мальцев Константин Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Российская Федерация, e-mail: maltsevaannav@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1398-6625

Konstantin G. Maltsev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russian Federation, e-mail: maltsevaannav@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1398-6625

Мальцева Анна Викторовна, кандидат политических наук, доцент кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Российская Федерация, e-mail: pavic69@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7287-3113

Anna V. Maltseva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russian Federation, e-mail: pavic69@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7287-3113